

Г. Сафаров

Конец господина Роя
Идейные метаморфозы ренегата

1929

Г. Сафаров

Конец господина Роя

(Идейные метаморфозы ренегата)

Коммунистический Интернационал, 1929, № 51, стр. 29—37.

Оглавление

1. Обанкротившийся псевдоним.....	4
2. Гоминдановский счет индийской революции.	7
3. Кризис Коминтерна или кризис меньшевистского эпигонства?	15
4. Путешествие из Москвы в Лондон.....	22

1. Обанкротившийся псевдоним.

На втором конгрессе Коммунистический Интернационал Рой был встречен как представитель *индийской революции*. Всем было ясно, что индийская революция должна искать свой путь к Москве, не может не искать его. У Роя не спрашивали формального мандата. Он пришел к Коминтерну от мелкобуржуазного национализма. Когда Рой в колониальной комиссии конгресса с пеной у рта напал на Ильича «слова», доказывая, что единственной революционной силой в Индии может быть только пролетариат, что Индия находится на пороге пролетарской революции, Владимир Ильич проявлял к нему величайшую снисходительность, видя в нем выразителя революционных настроений народных масс Индии.

Теперь Рой выносит в розничную продажу свои отрывки воспоминаний. Его «оценил» Ленин и его «не сумел оценить» Коммунистический Интернационал после Ленина.

Рой был принят в ряды Международного Товарищества Рабочих, как «человекмасса», как выразитель революционного протеста индийских масс против империализма. Он получил политическое крещение, имя, как псевдоним, как псевдоним тех масс, которые еще должны были вырасти, подняться, развиться, вызреть в сознательную революционную силу. Ему сказали: ты пришел к нам от имени рождающейся индийской революции? *Учись* в школе революционной борьбы, чтобы не обмануть доверие

пославших тебя, чтобы не обмануть доверие международного рабочего класса. Бойся, чтобы из псевдонима ты не стал *самозванцем*.

Так был принят Рой в Коминтерн. Теперь из Коминтерна выброшен *труп*, давно и безнадежно разложившийся. Не умев овладеть революционным методом марксизма-ленинизма, он не сумел и «близиться с массовым революционным и пролетарским движением в Индии. Больше того: он бесконечно далеко ушел от этого движения. *Вместо псевдонима, не оправдавшего доверия, пришел новый, молодой, боевой класс*. И псевдоним терзается в бессильной злобе. *И* вот послушайте теперь банкрота и рене гата: он всячески склоняет «массы», «массами», о «массах». Но все это бумажные слова, бумажные вздохи. В Китае, когда хоронят покойника, по всему пути следования гроба разбрасывают клочки бумаги, которые символизируют деньги. Деньгами откупаются от злых духов, чтобы они не забрали душу покойника по дороге в могилу. Господин Рой хоронит (себя по китайскому обряду, разбрасывая меньшевистские заклинания, чтобы спасти... свою «коммунистическую» душу. Разоблаченный и обанкротившийся псевдоним комичен. О нем не пожалеют ни индийские рабочие, ни международный пролетариат. Волна революции прибила его на время к Коминтерну, но он уполз назад к буржуазно-демократическим шаблонно-меньшевистским «идейкам». Крутые переходы пролетарской революции ему не под силу. Он стал. ренегатом и

индийского пролетариата, и индийской национальной революции.

В вопросе о судьбах индийской революции Рой, в течение ряда лет, начиная со второго конгресса Коминтерна, защищал точку зрения «левого коммунизма», решительно отрицая самостоятельную революционную роль крестьянства в колониальной революции и сводя все дело к пролетарской революции. На арене борьбы общественных сил он не видел, не хотел видеть никого, кроме местной буржуазии, всегда готовой на предательскую сделку с империализмом, и пролетариата. Вплоть до IV конгресса он выступал в этом духе. Основного в ленинском взгляде на крестьянство и его отношения к пролетариату он не понял. Как только ему показалось, что революционный прибой сменился отливом, он качнулся на 180° в противоположную сторону, возложив все свои надежды на буржуазный прогресс, на гоминдановские пути, наконец, на теорию деколонизации. Его «левизна» была конъюнктурным и, потому, «левым» выражением мещалско-ограпиченного подхода к задачам колониальной революции. Он носил рене гата в своей «ультра-девой» душе, как хотя бы тот же самый Вайнкуп, его ближайший соратник против Ленина во втором конгрессе. Внешняя и показная оболочка соскочила, когда пришли трудности.

2. Гоминдановский счет индийской революции.

«Будьте реалистами! Тревожный призыв к самосознанию! «Товарищ Рихард» к вопросу о кризисе международного коммунизма». Вы видите, товарищ читатель, что г-н Рой выступает в свет под настоящей право-оппортунистический джазбанд. Еще бы! Как без такой оглушающей музыки доказать, что, во-первых, в майской расправе с рабочими Берлина виноваты не Цергпбели, а Коминтерн, что, во-вторых, партизан ская борьба в Китае -против кровавых налачей-генералов противоречит марксизму; что, в-третьих, в Индии недооценивают революционных талантов буржуазии. Больше всего Роя, конечно, задевает последнее.

«Тактика в Индии также не считается с данной действительностью. Она обусловлена реакцией на поражение в Китае, на нее отбрасывает предосудительную тень троцкизм. *Мы (!) обожгли пальцы в Китае и, потому, хотим в Индии совсем обойтись без огня.* Вчера еще каждый индус, как бы от рождения, был революционным националистом. Наше возражение, что необходимо дифференцировать подход к различным классам, из которых состоит национальное движение, отвергалось, как «ревизия» ленинизма. Сегодня же опять все, за вычетом про летариата и крестьянства, контрреволюционны. Коммунисты должны вести рабочий класс против объединенного контрреволюционного фронта, который — по этой теории — простирается от британского вице-короля

до мелкобуржуазного националиста, бросавшего бомбы в национальное собрание в знак протеста против угнетения. С'вараджистская буржуазия, вчера еще прославлявшаяся теми же теоретиками за свою революционность, сегодня бросается в один горшок заодно с империализмом, как враг индийских масс. Это трудно поверить, но, тем не менее, это правда; к сожалению, правда. Непрерывное изменение тактики в революционной борьбе необходимо. Роль класса, не являющегося революционным по своей природе, должна меняться в ходе развития движения. *Но эта перемена еще не произошла в Индии. Наша же тактика уже радикально изменена.* В Китае были сделаны ошибки и не исправлены, зато в Индии совершены новые ошибки на основе новой тактики, которая базируется на китайском опыте и подходит к современной ситуации в Индии, как синяк к глазу» (*Volksrecht*, № 20, 17 мая 1929 г.).

Г-н Рой несказанно сердится. Он рвет и топчет сочиненную им карикатуру и занимается «учебной рубкой чучел», принятой при обучении новобранцев.

Г-н Рой в качестве ученого китаевода экзаменует индийскую революцию. Это заставляет нас обратиться к похождениям Роя Китае. Какие уроки он извлек из *первой полосы* развития китайской революции? Они запечатлены в его сборнике статей и материалов, который он — без ложной скромности — озаглавил: «Китайская революция и Коммунистический Интернационал». Не стоит придирается к человеку по этому поводу! Ложная

шромность не в его натуре. Вспомните только, как он пренебрегал ею на самом трагическом этапе китайской революции! «Пришло время отделить овец от козлищ, — заявлял он (15 июня 1927 года). — Мы должны знать я мыт должны сделать так, чтобы знали массы — кто против национальной революции и кто за нее. *Платформа национальной революции, которую я предлагаю, может послужить таким критерием.* Классы, партии или отдельные лица, которые не примут этой платформы, которые не будут вести решительной борьбы на ее основе, не могут больше считаться сторонниками национальной революции» (Цит. сборник, стр. 181.).

— Кто это, — Моисей, дающий скрижали завета, Робеспьер в конвенте или... Поприщин?

Книга Роя не оставляет в этом сомнения.

Как *искажал* Рой линию Коминтерна в Китае, *помимо* искажения ее, так сказать, от припадков мании величия?

«Хотя на данном этапе пролетариат руководит революцией совместно (!) с мелкой буржуазией и крестьянством, он в то же время дает гарантию, что диктатура не утратит своего характера. Пролетариат — опора, центр этого блока, а мелкая буржуазия и крестьянство — его два крыла. Пролетариат — класс, эксплуатируемый полностью и до конца. Поэтому он сознательно и объективно (!?) борется за социализм. Но у остальных двух классов еще существуют зародыши (ох!) частной собственности, т.-е.,

зародыши будущего капитализма. Эти два класса только тогда целиком присоединятся к борьбе пролетариата за социализм, когда будут уничтожены зародыши частной собственности. Задача диктатуры (это — революции буржуазно-демократической-то!) — уничтожить эти зародыши внутри блока» (Там же, стр. 82.).

Теперь это ясно: перед нами не Моисей и не Робеспьер, а Поприщин. *Зародыши* частной собственности уничтожаются внутри Гоминдана, в процессе осуществления революционно-демократической диктатуры. Рой не понял классовой борьбы за гегемонию пролетариата в китайской революции, не понял классовой борьбы внутри и вокруг Гоминдана. Не понял потому, что он вообще не понимает, что такое классовая борьба и откуда она берется. В другом месте того же сборника он (словами неудачного манифеста V съезда киткомпартии), разбирая, как «гигантская волна движения увлекала за собой буржуазию», добавляет, что «при такой социальной базе национального движения классовые противоречия не могли *исчезнуть* (?) полностью» (Там же, стр. 123.). Классы для Роя — не социально-экономические понятия, не экономическая реальность, а односторонне-оппортунистические политические фикции. Они не связаны между собой классовыми противоречиями и классовой борьбой.

Такое выхолащивание объективной экономической основы классовой борьбы характерно для *буржуазных* демократов. Они могут оперировать — и

жонглировать — терминологией марксизма. Они не могут пользоваться марксистской методологией в интересах пролетарской классовой борьбы. «Коалиционные» разглагольствования Церетели и Мартовых в марксистском «стиле» в 1917 г., последующие упражнения Каутских и Отто Бауеров целиком построены на выхолащивании об ективного «одер жания понятий класса и классовая борьба. Чтобы примирять классы, надо «сглажи вать острые углы» классового расслоения и классовой борьбы. Такова логика.

Идея пролетарской гегемонии — вот что осталось для Роя книгой за семью печатями до конца дней его.

Всуде он корит Коминтерн троцкизмом. Ведь троцкистская теория перманентной революции, которой он отдавал бессознательную дань, споря с Лениным на втором конгрессе, основывается именно на непонимании идея пролетарской гегемонии в революции. Весь ход китайской революции 1925—1927 гг. является ее опровержением в такой же мере, как и опровержением право-оппортунистических попыток превратить киткомпартиго в хвост Гоминдана.

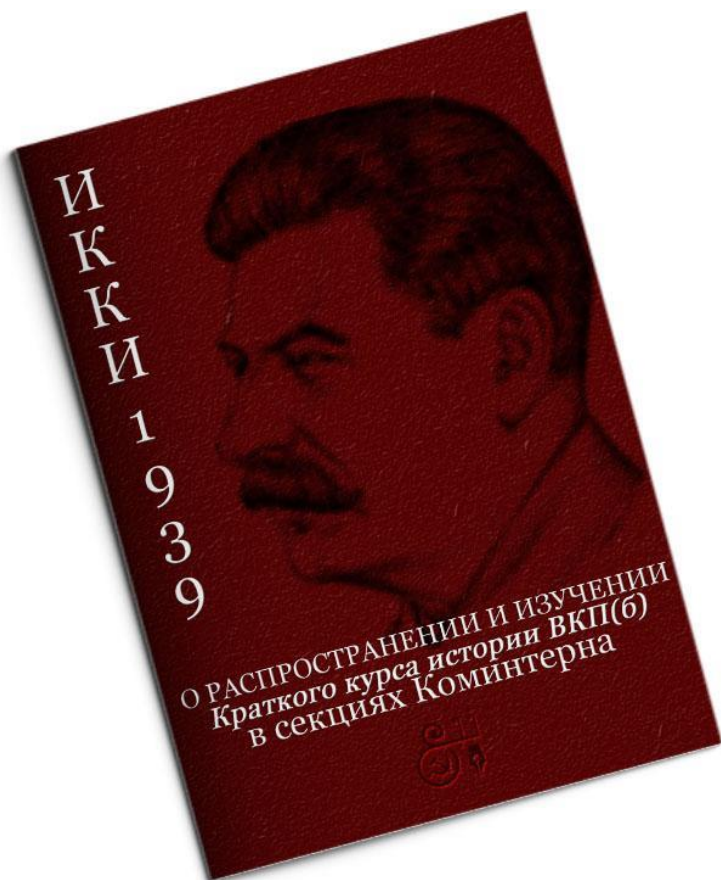
Рой пред'являет — поистине урквартовскнй — счет индийской революции на том основании, что там классовые антагонизмы зреют быстрее, развиваются острее, чем это принято думать в «хорошем» брандлеровском обществе, где вообще третий период исторического кризиса капитализма рассматривается, как возмутительна вы думка, продиктованная

вспышконускательской фантазией. Перечисляя свои доказа тельства «кризиса Коминтерна», ренегат Рой не случайно обронил гнуснейший выпад против китайской коммунистической партией: «Компартия, которая в революционные годы 1925—1927 полностью владела половкейием, неспособна организовать хоть какое-нибудь массовое выступление против антирусских (!?) действий националисти ческой буржуазии, выступающей как прямое орудие империализма. Наверно это ие к большой чести партии, два года назад бывшей признанным вождем двух с полови ной миллионов организованных рабочих и почти 9 миллионов организованных крестьян (*Gegen den Strom*, № 39, 26 сентября 1929 г.). Контрреволюционный либерал может не видеть роста нелегальной и гонимой компартии, ведущей в труднейших условиях борьбу е своими собственными Роями. Контрреволюционный либерал предпочитает кантонской коммуне, героической борьбе Пан-Бая, борьбе в подпольи и революционным демонстрациям блок с контр революцией в Чан-ша, с махинациями Таи Шен-чжи и т. д. Этот путь он хотел бы и для индийской революции! Ведь индийская буржуазия еще «не созрела» для контр революции, а ее уже спешат «обвинить». Так рассуждает Рой, рабски поівторяя Це ретели и Данов 1917 года, искавши истину между Корниловым и Терещенко. «Ще молода дытына!» Однако, эта «дытына» уже явно идет на сделку с имперамистическим «рабочим правительством» под фирмой «доминиона», и *только* дальнейший рост революционного массового и, прежде всего, рабочего

движения может *сорвать* эту сделку. Рой оплакивает «недооценку» сварджистов, рекламируя их «левые» жесты против преследований коммунистов, Мирутского процесса и т. д., как благородные порывы души. На основе коминтерновской тактики, плачется Рой, «мы должны ругать революционного союзника провокатором» (*Volksecht*, № 24, июнь 1929 г.).

Но позвольте, любезный, — вы заметили подозрительную «Лигу независимости», заметили неделикатное обхождение с буржуазией, а не изволите замечать, как *рабочий класс Индии* — в лице бомбейских, джамшедпурских и калькутских стачечников, в лице Тирни Камгар и т. д. — действует на всю политическую обстановку в стране, ускоряя дифференциацию всех борющихся сил. Вы не заметили, что на нынешней стадии борьба за пролетарское руководство развивающимся революционным под'емом сосредоточивается на *разоблачении* «левой маскировки» Индийского национального конгресса. С помощью *этой* левой маскировки буржуазия пытается удержать под своим влиянием революционирующиеся слои мелкой буржуазии, студенчества, городского населения, крестьянства. На этом плацдарме разыгрывается главная борьба. Но что толковать «в этом Рою, когда он с упорством ботокуда бубнит: «(Различные общественные классы сообща составляют силы буржуазно-демократической революции. Союз этих классов, поэтому, необходим для развития революции» (Там же.). С помощью коалиционных

идей меньшевизма нельзя понять задач пролетарской гегемонии в буржуазно-демократической революции.

3. Кризис Коминтерна или кризис меньшевистского эпигонства?

Пролетариат недооценивает своих врагов и чужаков — не только их силы, но и их добродетели, — переоценивает вой возможности. Отсюда—кризис Коминтерна. То-есть, собственно говоря, дело зашло гораздо глубже. «Первый Интернационал рас паде» из-за конфликта между марксизмом и анархизмом. Эхо этого конфликта слышали мы сейчас внутри Коммунистического Интернационала. *Политика нынешнего руководства Коминтерна* — отголосок анархизма» (*Gegen den Strom*, № 39, 28 сентября 1929 г.). Это пишет не Павел Аксельрод или эмигрантский прохвост Ст. Иванович, а М. Н. Рой, «се еще не желающий об'лвить себя тем, что он есть на деле. Большевики, «отправляясь» от анархизма, разрушающого все устои государственности и цивилизации, очень быстро доезжали до интервенции. Рой только в рекламном духе апеллирует к «самосознанию». Но слова из песни не выкинешь: анархистами себя ведут, на его взгляд, коммунисты, и по отношению к Цергигелю, и по отношению к Ганди, и по отношению к Гоминдану. Хуже того, нападая на Макдональда и сладчайшую мисс Бондфильд, не считаются с волей масс. Нынешнее коминтерновское руководство «придерживается ошибочного убеждения, что успех революции не зависит от воли масс, но от решимости небольшого меньшинства, спаянного политический отсталостью и механической дисциплиной» (Там же.).

Покойный Мартов писал об этих вещах, с литературной точки зрения, горазд интереснее. Господин Рой донашивает обноски. Он до такой степени «питон, что ие может удержаться даже на позиции словесной «левизны» героев бесследно-пропавшего Двухполовинного Интернационала. «Весьма неприятен, — пишет он, — однако, факт, что массы еще питают иллюзии относительно характера лейбористского правительства. Своей пропагандой компартия должна раз'яюиить массам его сущность. Но вредные иллюзии будут преодолены путем только горького опыта. Поэтому *партия (английская компартия) пошла против воли масс, восприняв точку зрения, практически означающую враждебность лейбористскому правительству*» (*Gegen den Strom*, № 23, 8 июня 1929 г.).

«Демократ» Рой обосновывает свой социал-демократический хвостизм ссылкой на волю масс, которые как-никак голосовали за рабочее правительство. Рой прикрывает свое ренегатство бешеными нападками на «всиышкоиускательскую» тактику. Однако он никюго ие обманет насчет истинного характера своих намерений. Своей жалкой персоной, утратившей всякое равновесие, он демонстрирует весьма элементарную истину: когда социал-демократизм превращается в социал-фашизм, а его «левый фланг» в наиболее гнусную часть этого социал-фашизма, тогда правые дезертиры из, рядов интернационального коммунизма неминуемо становятся пособниками и проводниками социал-фашизма. Так, впрочем, происходит и со всеми

дезертирами, как правыми, так и «левыми», — типа Урбансов, Троцких и т. д.

Рой до такой степени вери социал-демократической шпаргалке, даже не в старомодном издании Мартова, а в современном издании Ціергйбеля, что вслед за обвинениями Коминтерна в анархизме и антидемократизме он обрушивается на негa с обвинениями в терроризме и слепом подчинении Москве. Диву даешься, наежолько этот человек, получавший уроки даже от величайшего вождя рабочего класса, от Ленина, остался *органически враждебным* пролетарской революции! Как только началась новая волна революционного под'ома, как только ему дали понять, что надо прибавить шагу, чтобы итти в йогу с международным коммунизмом, весь внешний лоск фразы соскочил с него и он заговорил языком смертельно испуганного революцией мещанина. «Если внутренний террор,— заливається г-н Рой на брандлеровских подмостках,— вреден для партии, когорт я оказалась у власти в условиях экономической отсталости, где диктатура пролетариата должна, удерживаться в течение долгого периода послереволюционной (!) борьбы классов, то ом еще вреднее для партий, призванные? только еще мобилизовать массы для грядущей борьбы. Несмотря на это, все секции Коминтерна внутренне находятся под игом режима истинного террора. Террор — допустимое оружие в руках революционного класса, находящегося у власти. Факт, что одна из секций КИ нахо дится у власти, создал во всем Интернационале смехотворную психологию. Нынешние вожди

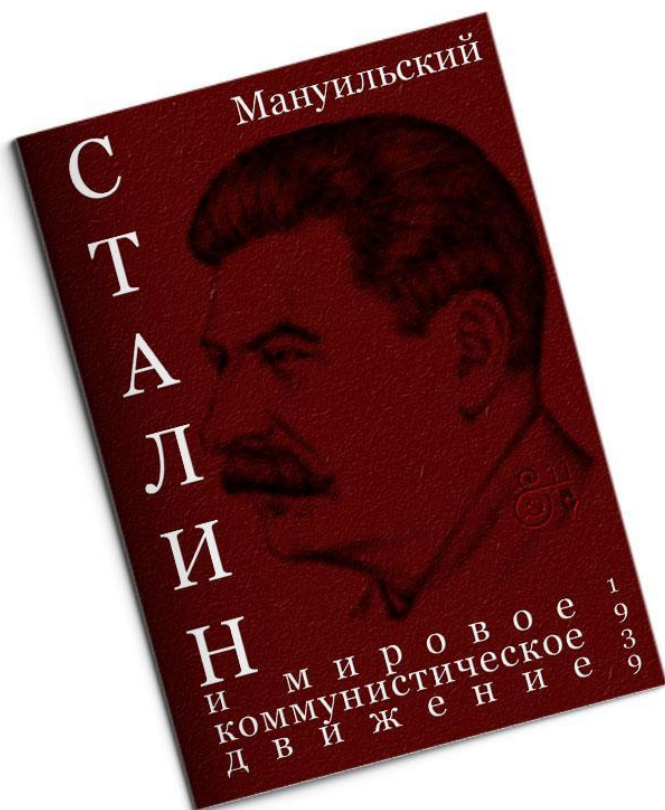
Коминтерна и всех его секций ведут себя так, как если бы они были у власти, и греются в лучах русской партии» (*Gegen den Strom*, № 46, 16 ноября 1929 г.). Мартов, говоря по поводу успехов мирового большевизма, яю крайней мере, пытался об'яснить распространение на Западе большевистских методов, в числе прочего также и ожесточением классовой борьбы. Мы вспоминаем это не для того, чтобы «добром вспомнить» блудливо-беспомощного вождя меньшевизма, а для того, чтобы оттенить *степень падения* ренегата Роя. Он хочет дать фору Мартову. Идейная непримиримость большевизма для него не есть ни в какой степени необходимое и обязательное следствие величайшего обострения классовой борьбы в наапу эпоху, требование железного руководства борьбой масс во всемирно-историческом масштабе. Эту идейную непримиримость он «приравняет» к террору, применяемому против врагов пролетарской диктатуры и социалистического строительства. Он сваливает в одну кучу партию и государство. *Психологически* он драв: он настолько разорвал с Коминтерном и Октябрьской революцией, что для страны пролетарской диктатуры он белый амигрант, вместе с «Социалистическим Вестником», вместе с последышами Мартова. Чем обосновывает Рой свое отрицание идейной непримиримости и партийной дисциплины? — «ГЮ своей природе, — объясняет он, — пролетариат самый однородный социальный класс. Разногласия, всплывающие время от времени внутри партии в ходе борьбы за власть или ради удержания власти, не являются, поэтому, непримиримыми разногласиям, как у других классов.

Эти классы срастаются друг с другом и таким путем создают возможность того, что представители интересов одного класса могут действовать внутри партии другого класса. *Но пролетариат так четко отделен от всех других классов, что в его партии нет места для представителей других классов, за исключением отдельных авантюристов или провокаторов.* Поэтому разногласия внутри компартии не представляют столкновения враждебных классовых интересов. В худшем случае, если партия находится у власти в такой отсталой стране, как Россия, они косвенно отражают послереволюционную борьбу классов, в условиях которой удерживается диктатура пролетариата» (Там же.). Г-н Рой любит шпынять своих противников троцкизмом. Г-н Рой может быть крайним невеждой, но, тем не менее, ему должно быть известно, что излагаемые им взгляды на партию — вольное иозаимствование из произведения г-на Троцкого «*Наши политические разногласия*», появившегося четверть века назад в качестве идейного манифеста русского меньшевизма. Меньшевизм неизменно выступал с проповедью однородности рабочего класса, с защитой широкой рабочей партии на английский манер, с нападками на партию — авангард, идейно-монолитную и оргализациоино-сплоченную. Г-н Рой донашивает, обноски и он до того малограмотен, что даже не задается вопросом, откуда же при такой абсолютной однородности рабочего класса взялась социал-демократия с Цергибелями, Макдональдами, Бонкурами и Вандервельде? Г-н Рой — *вполне сознавший себя*

меньшевик. В этом — гвоздь положения. Именно поэтому он так нежно относится к английской Рабочей партии. Она для него такое же равноправное творение рабочего класса, как Всесоюзная коммунистическая партия. Она даже более полноправный представитель рабочих, чем ВКП. Пусть Рой не прикидывается человеком, у которого незаконно отобрали партбилет. Конечно, компартия не может быть аренной классовой борьбы. Но почему? Потому, что коммунистическая партия — партия передовых представителей пролетариата, спаянных идейной непримиримостью по отношению ко всякому оппортунизму, потому, что партия не дает развиваться в своей среде уклонам, отражающим буржуазное или мелкобуржуазное влияние на пролетариат, потому, что партия — международная коммунистическая партия! — во время выбрасывает за ворота гг. Леви, Фросе аров, Брандлеров и Роев. Именно этой своей непримиримостью она вызывает тягу к ней рабочих масс. Отсечение оппортунистов служит средством *сближения* с массами. Партия-авангард необходима для осуществления пролетарской гегемонии в предреволюционных боях и пролетарской диктатуры и социалистического строительства в последующий период.

Рой скликает Ловстовов, Чильбумов и прочие, оппортунистические отбросы. Но где же они могут встретиться, как не на платформе меньшевизма? Для истории нельзя придумать оригинальной «платформы» помимо тех платформ, которые выработываются классовой борьбой. Вы — против

Коминтерна? Значит — вы со II Интернационалом!
Господин Рой доказывает эта всеми своими
писаниями, от которых песет завалью истлевших
меньшевиетских идей.

4. Путешествие из Москвы в Лондон.

«Ни в малейшей мере не преуменьшая блестящих достижений большевистской партии (вы замечаете, что господин Рой читает надгробную?), мы, однако, должны иметь в виду, что успех русской революции объясняется стечением целого ряда благоприятных обстоятельств. Буржуазия была слаба, госаппарат был абсолютно сломлен; господствующий класс был деморализован катастрофическим развалом фронта; полное разложение и деморализация армии и флота доставили революции значительные вооруженные силы, накопец, иностранные капиталистические державы были не в состоянии сразу успешно вмешаться».

Вы читаете эти строки и вашему воображению рисуется какая-нибудь эмигрантская бывшая дама, прикладывающая к глазам платок: «Oh, Russie, la pauvre. Ее все забыли, хотя и могли спасти».

Но это — описание, г-на Роя. И поэтому к историческому описанию условий Октябрьской революции поспешно приставляется, якобы, коммунистический хвост, которым, впрочем, Рой сразу же начинает вилять. «Если бы на сцене появилась испытанная, ясновидящая, решительная и умело-руководимая партия, пролетариату, несмотря на такое благоприятное стечение объективных обстоятельств, не удалось бы завоевать власть. *Но (вот оно: по! Уши выше лба не растут!) остается*

еще открытым вопрос, удалось ли бы большевикам завоевать власть без этих благоприятных условий. Современное руководство Коминтерна недооценивает стечение обстоятельств, как необходимую предпосылку успеха революции» (Gegen den Strom, № 41, 12 октября 1929 г.). Г-н Рой изменяется нечленораздельно, однако все лее можно попятить, что под таинственным «стечением обстоятельств» (Zusammentreffen der Zustände) он разумеется глад, мор, деморализацию целых народов, рас, словом: « Oh, Russie, la pauvre!».

Г-н Рой участвовал на втором конгрессе Коминтерна. Он не забыл, как Ленин отвечал там г. Криспину на указание, что такую революцию, как Октябрьская, можно сделать только с отчаяния, немецкий же рабочий не может отказаться от своего, уже достигнутого, достатка? Ленин говорил: «Желая подготовить рабочих к диктатуре и говоря им о «не слишком» большом ухудшении, забывают главное. А именно, что *рабочая аристократия* как раз и возникла, помогая своей буржуазии завоевывать империалистическим путем и душить целый мир, чтобы тем обеспечить себе лучший заработок» (*II конгресс КИ*, Стеногр. отчет, стр. 291.). Хотя бы в качестве идейного буржуазного националиста г-н Рой должен был это запомнить. Впрочем, вероятно, теория деколонизации вышибла у него из головы даже и ненависть к великодержавному империализму.

Пусть тогда он вспомнит, что Ленин говорил в 1920 г. по поводу попытки итальянских реформистов

запугать рабочих блокадой в случае победы пролетариата. «Реформисты указывают на возможность блокады, чтобы саботировать революцию, чтобы отпугнуть от революции, чтобы передать массам свое настроение паники, запуганности, нерешительности, колебаний, шатаний. Революционеры и коммунисты не должны отрицать опасности и трудностей борьбы, чтобы внушить массам больше твердости, чтобы очистить партию от слабых, колеблющихся, шатких» (Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 375.).

Но г-н Рой ничего не хочет знать о ленинизме, смертельно враждебном ренегатству. И по дороге из Москвы в Лондон — via Берлин — он открывает новый *русский* порок в Коминтерне: «В точном смысле слова в царской России не существовало «никаких профсоюзов». Пока в КИ «были компетентные люди», сталкиваются с Западом, русская односторонность еще не была роковой. Но без них все пошло кувырком. «Со времени ухода этих старых, опытных вождей или вследствие смерти, или вследствие исключения из руководства — взгляд русской партии на профсоюзный вопрос запутался и как раз вследствие различия характера и функций профсоюзов в Советской Республике по сравнению с Западом. Отсюда создается теория, что профсоюзы постепенно становятся частью капиталистического госаппарата. Не заметили, что функция профсоюзов при капитализме совершенно другая, чем в условиях диктатуры пролетариата» (*Gegen den Strom*, № 41, 12 октября 1929 г.).

«Дело ясно. В России союзы полуогосударствлены, а потому большевики думают, что так и на Западе, не понимая того, что при капитализме профсоюзы свободны».

Г-н Рой влез в такую меньшевистскую трясику, что от каждого слова его писаний пахнет совершенно нестерпимо. Он, конечно, не видит государственного арбитража, союза профсоюзных верхов, буржуазного государства и предпринимателей. Это ведь входит в его прямую обязанность лакействующего ренегата. Он смахивает на пресловутого щедринского прокурора, у которого было два ока: одно — дреманное око и другое — недреманное. Одним он ничего не видел, а другим видел только пустяки.

Дреманное око обращено у Роя к социал-фашизму, злобно-недреманное око — к СССР: это око видит только меньшевистские пустяки.

Но дадим слово самому Рою. Никто не сможет скомпрометировать его больше, чем он сам себя. Рой витиевато рассуждает о современном положении в СССР и указывает на необходимость перехода от нэпа к чему-то такому, чего еще не было. Он безапелляционно бросает, что «фактически капиталистический элемент в сельском хозяйстве за последние годы *уже затронул* основы диктатуры пролетариата». Наступает капитализм, а рабочая власть в полной растерянности. Этот оптимист в отношении Гомиь- дана и Индийского национального конгресса не ставит ни в грош нашу пятилетку.

Послушайте его глубокомысленные объяснения: «Соглашаясь в принципе (!) с пятилетним планом и зная, что его осуществление потребует твердой решимости, в то же время нельзя недооценивать трудностей, стоящих на пути. Существует, например, *опасность тяжелого финансового кризиса, могущая возникнуть из попытки быстро создать коллективное земледелие*. До «их пор весьма большая доля государственных финансов поступала от крестьянина, т.-е. накопление в большей части происходил» в сельскохозяйственном секторе народного хозяйства. Теперь процесс будет обратным. Очень значительная часть нового капитала должна вкладываться в сельское хозяйство, если необходимо достичь быстрого успеха больших с.-х. коллективов» (Там же.). Господин Рой понял задачи и условия социалистической реконструкции столь же блистательно, как и сущность Гоминдана — с пролетариатом посредине и «зародышами частной собственности» по бокам. Его довод против пятилетки может быть сопоставлен с таким филистерским доводом против социализма, что если ни у кого не будет своего кармана, то никто не будет накапливать, и общество, натурально, погибнет.

Господин Рой доехал до Берлина Цергибеля и «Социалистического Вестника». Дальше его путь идет в Лондон.

Может показаться страшным, что, подводя политический баланс г-на Роя, мы обошли его *теорию деколонизации*, об'являвшую наступление новой эры

в развитии империализма — эры добровольной и усиленной индустриализации колоний. Господин Рой стремился подвести индустриальную базу под соглашательство буржуазных верхов Индии с английским империализмом. В своем развернутом виде, эта теория неизбежно вела к отказу от революционной борьбы с английским империализмом, к отказу от борьбы за щюлетарскую гегемонию в индийской революции. Однако эта, тгария лишь одна из метаморфоз ренегата. Сейчас он уже настолько самоопределился, что теория деколонизации перестала быть *наиболее характерным* облачением хамелеона.

В своем ренегатстве Рой обрел себя, нашел свою истинную природу, которую до сих пор он должен был прятать и подавлять, втискивая ее в коммунистические рамки. Оттого теперь весь его протест ренегата против вынужденного прошлого так резко отражен призывом к «свободе мысли и суждения».

Человеку гоолоииального Востока трудно сразу ицкитти к социал-империалистсшому II Интернационалу. Поэтому Манабендра Нат Рой так долго скрывался в тени Коминтерна. Но нарастание новой волны колониальной революции в связи с уроками Китая вынудило его сказать, кто он есть. Он забыл тот путь, каким пришел в Москву, и, став ренегатом Коминтерна, он сделался ренегатом индийской революции. Господину Рою нечего делать ни в Москве, ни в Индии. Его место в Лондоне.

ИККИ

Г-н Рой

на службе
у английского империализма
и индийской буржуазии
1931

Б. С—ль

Гандизм

Революционный Восток, 1929, № 7

